

К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ОБЛИКЕ ЦЕРКВИ БЕЛАЯ ТРОИЦА В ТВЕРИ

А. М. Салимов

После разрушения в 1930-е годы средневековых построек Отроча монастыря самым древним сооружением Твери стала Троицкая церковь в Затьмацкой части города, которая ещё в средневековье получила наименование «Белая» (ил. 1–6). Выстроенная в 60-е годы XVI в., в последней четверти XVIII столетия она утратила подавляющее большинство первоначальных проёмов и была перекрыта новой четырёхскатной кровлей, а в течение XIX в. получила дополнительную, значительно превышающую её по площади обстройку. В этот же период частью храмового ансамбля стала трёхъярусная с шатровым завершением колокольня.

Исследовательский интерес был проявлен к этому храму ещё в последней трети XVIII столетия, когда родоначальник тверского краеведения Диомид Иванович Карманов в своём историческом сочинении указал дату церкви (1564 г.) и её заказчика — Гаврилу Андреяновича Тушинского¹. Правда, через несколько лет после труда Карманова в «Топографическом и историческом описании города Твери» появилась иная датировка — 1584 г., а купец был назван «Тушенским»². Полагаем, что это ошибка составителя, поскольку сведения для описания Твери собирались в 1777–1778 гг.³, через два года после того, как Карманов написал (в 1775 г.) «Исторические известия», и вполне вероятно, что те, кто готовил «Топографическое и историческое описание», позаимствовали информацию о Белой Троице в работе Д. И. Карманова. Однако, заимствуя эти свидетельства, переписчики, по всей видимости, допустили сразу две ошибки: заменили цифру «6» на «8» в дате (в итоге, 1564 г. превратился в 1584) и букву «и» на «е» в фамилии ктитора (Тушенский вместо Тушинский). Всё это привело к тому, что в литературе советского и постсоветского периодов возникла ничем не обоснованная дата перестройки первоначального храма — 1584 г.⁴ При этом следует отметить, что в клировых ведомостях последней трети XVIII в. не сообщается о дате постройки церкви. Их составители, как правило, отщипывают фразой: «... в коем же году построена описи не имеется»⁵. Троицкий клир словно живёт параллельной жизнью с Кармановым, оставаясь в неведении на предмет содержащегося в храме источника, указывающего точную дату создания церкви. Лишь в середине 1790-х годов в ведомостях появляется «кармановская» датировка — 1564 г. — и отсутствуют свидетельства о перестройке храма в 1584 г.⁶

После Д. И. Карманова к рассмотрению древнейшей церкви Твери вернулись в середине XIX столетия. В 1851 г. священник Троицкого храма Александр Иванович Пешехонов подготовил небольшую брошюру (12 страниц), в которой кратко изложил историю церкви и остановился на ряде важных моментов в её биографии⁷.

Работа А. И. Пешехонова не содержит детального разбора архитектуры памятника, тем не менее это отнюдь не традиционная для середины XIX в. опись храма и его имущества, каковые в этот период в большом количестве составлялись церковнослужителями Тверской епархии. Автор не только информирует нас о размерах отдельных компартиментов и составе церковной утвари. В изменившейся первоначальный облик постройке он пытается вычлениить элементы XVI столетия. К примеру, А. И. Пешехонов уточняет, что до 1787 г. церковь сохраняла в основном объёме первоначальные оконные проёмы, но после растёски подавляющего большинства окон, ранние проёмы остались только «под самым карнизом»⁸.

Стремясь рассмотреть Белую Троицу на фоне тверской истории, Пешехонов включает в своё повествование различные гипотетические построения, подавляющее большинство которых базируется на мифах и преданиях. Так, например, три сводчатых помещения, устроенные над апсидами храма уже после его сооружения (ил. 7), Пешехонов счёл возможным идентифицировать в качестве тайников, сделанных «как для сохранения церковной утвари, так и для убежища жителям, при нападении на город неприятелей». Для автора брошюры это, вероятно, те самые тайники, в которых было убито несколько укрывшихся во время разорения Твери врагом (вероятно, в период Смуты) горожан. И далее, ориентируясь на предание, Пешехонов указывает на четыре круглых отверстия в восточной стене храма, устроенные, по мнению священника, для подачи воздуха в сводчатые надапсидные помещения, из которых вытекла кровь погибших и «обагрила стены церковныя»⁹.

По всей видимости, пересказанная А. И. Пешехоновым легенда имеет мало общего с реальностью, поскольку если тайники и появились в досмутное время, то в тот период они не имели каких-либо входных проёмов как изнутри храма, так и снаружи. А четыре круглых «дырки» в восточной стене здания — это не что иное, как голосники, а не отверстия для доступа воздуха в сводчатые помещения над апсидами.

Легенда о тайниках не единственное предание, которое «вплетает» в историю Белой Троицы А. И. Пешехонов. Такие вставки вполне в характере исторической литературы, выходящей из-под пера священнослужителей того времени. Однако в данном случае следует подчеркнуть, что Пешехонов оговаривает легендарность этих свидетельств, не настаивая на однозначности своих выводов.

Заслугой Пешехонова следует считать публикацию текста основной храмовой надписи¹⁰, которая в тот период размещалась на двух плитах по сторонам от западного портала¹¹. В 1895 г. на его месте был устроен большой арочный проём, и плиты, расположив одна над другой, вмонтировали в западную стену изнутри основного объёма, справа от арки¹².

Вообще интерес к этой надписи и, возможно, желание её прочесть проявился ещё при отце А. И. Пешехонова Иване Алексеевиче Пешехонове. Отметим, что частично этот текст был им прочитан, и с 1829 г. (за несколько лет до смерти) сведения о храмовой надписи и отчасти содержащуюся на плите информацию И. А. Пешехонов начинает включать в клировые ведомости. Хотя на протяжении последующего десятилетия в подобного рода описаниях составитель всё время

подчёркивал отсутствие каких-либо свидетельств о заказчике храма¹³. И лишь в ведомости 1839 г., когда место троицкого священника занял А. И. Пешехонов, которому, по всей видимости, удалось дочитать храмозданную надпись, впервые появилось указание на то, что Белая Троица была выстроена «замышлением Гаврилы Андреева сына Тушинского»¹⁴.

Спустя 12 лет исследование Пешехонова вошло с незначительными дополнениями и вариациями в работу В. Владиславлева, где автор, по сути дела, повторил всё то, что было сказано Пешехоновым, с той лишь разницей, что им неверно была указана фамилия ктитора: Толшинский вместо Тушинского¹⁵.

Новый всплеск интереса к Белой Троице обозначился в 1870-е годы, в результате тверской памятник попал на страницы столичных изданий. Дважды (в 1874 и 1878 гг.) храм был рассмотрен в журнале «Зодчий». В обоих случаях это весьма незначительные по объёму статьи, авторы которых вкратце пересказывают содержание брошюры А. И. Пешехонова. Стремясь, вероятно, привлечь внимание к своим публикациям, они особо останавливаются на ряде не подтверждённых источниками преданий¹⁶.

Более критичен В. Матвеев, который в своей книге, посвящённой тверским древностям, отнёсся с недоверием к тому, что помещения над апсидами могли служить «убежищем жителей от грабежа и буйств литовцев»¹⁷. Вообще, несмотря на незначительный объём главы, связанной с рассмотрением Белой Троицы (6,5 страниц), и повтор уже известных сведений о храме, вышедшую в 1878 г. работу Матвеева за критическое отношение автора к ряду опирающихся на предания версий можно в определённой мере рассматривать как следующий этап в деле изучения этого тверского памятника.

Через несколько лет о Троицком храме в Затьмачье упомянул в своей «Живописной России» П. Н. Полевой. Правда, в подписях под иллюстрациями, одна из которых фиксирует тайники над алтарями, тверская церковь значится как «Белый Спас», а не «Белая Троица»¹⁸. Отметим, что, как и большинство пишущих до него авторов, Полевой неверно назвал заказчика Троицкого храма «Толшинским»¹⁹.

В конце 1880-х годов Белая Троица вновь становится предметом рассмотрения в книге Н. Н. Овсянникова, остающейся и по сей день наиболее детальным исследованием по истории Твери XVII столетия²⁰. Его работа не предполагала глубокого осмысления интересующего нас памятника, поэтому, как и подавляющее большинство писавших до него о Троицкой церкви, Овсянников достаточно краток (4 страницы) и традиционен в своём изложении. Даже фамилию заказчика он называет неверно — Тушкинский. Однако в этом исследовании, пожалуй, впервые говорится и о других ктиторах, способствовавших появлению в 1560-е годы Троицкого храма — купцах Ламиных. Н. Н. Овсянников указал также на то, что наименование «Белая Троица» впервые встречается в писцовой книге Твери 1626 г.²¹

Автором очередного монографического исследования о Белой Троице вновь стал священник Троицкой церкви — Василий Ильич Некрасов. Сначала его труд был напечатан частями в «Тверских епархиальных ведомостях» за 1899 г., а затем отдельной книжкой в 1900 г.²² В тот период это было наиболее полное исследование

о памятнике, вобравшее в себе всю ту информацию, которую удалось собрать за предыдущие десятилетия другими авторами и самим Некрасовым.

К числу содержащихся в его книге новаций следует отнести главу, посвящённую южному Введенскому приделу (дьяконнику), где В. И. Некрасов впервые вводит в научный оборот текст плиты, сообщающей о заказчице придела (Петре Давыдовиче Ламине), его первоначальном посвящении (во имя св. Николы) и дате создания «малого» храма²³. Вмонтированная снаружи в южную стену основного объёма (во вторую с востока лопатку) плита с резной надписью свидетельствовала об освящении Никольского придела на год раньше основного объёма — в 1563 г.²⁴

Добавим к сказанному, что Некрасов не только верно прочитал вышеуказанную надпись, но и верно назвал основного ктитора («Тоушинский»). Наконец, именно В. И. Некрасов, по всей видимости, впервые в литературе об этом памятнике высказал предположение, что наименование «Белая» Троицкая церковь в Затьмачье могла получить из-за того, что была покрыта беловатого цвета черепицей (в начале XX в. несколько экземпляров ещё сохранялось на сводах [?] храма), и потому, что имела белёные стены²⁵.

В последние предреволюционные годы в ряде столичных изданий было вновь уделено внимание Белой Троице. В большинстве работ повторялся уже известный набор информации, а высказанные когда-то версии приобретали аксиоматический характер. И это касалось не только научно-популярных изданий (Ю. и З. Шамурины)²⁶, но и тех трудов, где вопросы теории и истории искусства рассматривались на профессиональной основе. В данном случае речь идёт о тезисно (на 8 строк) изложенной Ф. Ф. Горностаевым оценке архитектуры Белой Троицы во втором томе вышедшей накануне Первой мировой войны «Истории русского искусства»²⁷.

Некоторым особняком на этом фоне выглядит статья Л. Погожевой²⁸, ориентированная на исследовательскую традицию, начало которой было положено ещё в 1851 г. В приуроченной к 350-летию юбилею храма работе не только излагаются уже известные факты и предания, но и высказываются критические замечания. К примеру, Погожева усомнилась в том, что авторство Троицкой церкви следует приписывать тверскому зодчему Гавриле Дмитриевичу Макову²⁹. Напомним, что ещё в 1851 г. А. И. Пешехонов, принимая во внимание тот факт, что в 1567 г. «тверитин» Г. Д. Маков строил каменный храм в Свенском монастыре под Брянском, счёл возможным связать с этим архитектором (вероятно, учитывая хронологическую близость — 1564 и 1567 гг.) и сооружение Троицкой церкви в Твери³⁰. После Пешехонова Макова увязывали с Белой Троицей почти все писавшие о храме авторы. Не избежали этой участи исследователи советского и постсоветского времени³¹, хотя уже в 1914 г. Л. Погожева резонно заметила, что до сих пор ещё не выявлен источник, «откуда могло быть почерпнуто» свидетельство о строительстве Маковым Троицкого храма в Твери³². Лишь в последние годы было предложено отказаться от сформировавшегося в течение более чем полутора веков «предания» и признать, что исторических оснований для соотнесения с Г. Д. Маковым Белой Троицы не существует, поскольку пока «единственной достоверной

постройкой тверского мастера Гаврилы Макова является трапезная Свенского монастыря с церковью Антония и Феодосия Печерских»³³.

В юбилейный для Белой Троицы 1914 г. тверской памятник был осмотрен П. П. Покрышкиным, который детально ознакомился с техническим состоянием здания, отметив трещины, искажения и утраты в составе первоначального объёма. После осмотра он сделал ряд предложений для будущей реставрации храма³⁴. На следующий год Покрышкин ознакомился с результатами ремонтных работ, проведённых священником Александром Троицким, и чрезвычайно низко оценил их качество в своём отчёте на заседании Императорской археологической комиссии. В дополнение он потребовал подвергнуть взысканию священника, допустившего грубое «обновление» ряда элементов памятника³⁵.

Во время этого заседания В. В. Суслов заметил, что сводчатая система здания может быть отнесена к XVII в. Однако Покрышкин предложил сохранить для системы перекрытия храма прежнюю датировку, указав, что за XVI столетие говорят «характер главок, крестов и особенности росписи на стенах»³⁶.

Уже после революции мнение Суслова о принадлежности сводчатой системы Троицкой церкви XVII в. поддержал А. И. Некрасов, который усомнился «в современности сводов и всех малых глав самому храму». По мнению Некрасова, в XVII столетии после ликвидации старой сводчатой системы с ярусами кокошников и устройства четырёхскатной кровли на основном объёме были установлены шесть новых глав. Он же предположил, что изначально центральная глава «стояла на особом (ступенчатом?) подвышении», а низкие боковые апсиды были увенчаны небольшими главками. В отличие от своих предшественников, А. И. Некрасов, принимая во внимание найденную под престолом надгробную плиту 1499 г., допускал, что постройку 1564 г. могли возвести «на старом основании более древнего каменного храма»³⁷.

В последующие десятилетия Белая Троица ещё не раз попадала на страницы различных изданий, но это, как правило, была лишь очередная констатация существования памятника³⁸.

Значительным этапом в изучении храма стало монографическое исследование, выполненное в 1962 г. священником Троицкой церкви Гавриилом Штуруком. В настоящее время оно хранится в Государственном архиве Тверской области³⁹. Штурук не только рассмотрел всю имеющуюся на тот момент историографию, но и провёл масштабный историко-архивный поиск, что позволило ему ввести в научный оборот новый документальный материал. Наконец, он осуществил детальное натурное обследование памятника, достойное профессионального реставратора. Очевидно, что Г. В. Штурук продолжил традицию настоятелей Белой Троицы, пишущих историю своего храма, но в данном случае священнослужитель является ещё и специалистом, способным не только проинформировать нас об архитектурных и технико-технологических особенностях здания, но и включить постройку в контекст древнерусского зодчества соответствующего периода. Надо полагать, что определённое влияние на Г. В. Штурука оказал архитектор Б. Д. Комаров, который в начале 1950-х годов занимался обследованием⁴⁰ и ремонтом храма (завершён в 1952 г.).

Не исключено, что недостатки в аналитической части работы Штурука в какой-то мере объясняются влиянием Комарова на творчество троицкого священника⁴¹. Встречаются в работе Г. В. Штурука и терминологические неточности.

Как и все его предшественники, Штурук уделил внимание термину «Белая» в наименовании церкви, которое впервые было зафиксировано писцовой книгой 1626 г.⁴² И после проведённого обследования верхних частей храма предпочёл иное, нежели это высказывали до него, объяснение, поскольку выяснил, что в месте примыкания сводчатых наапсидных тайников восточная стена 1564 г. не имеет побелки, а уцелевшая черепица в основном тёмного (а не светлого) цвета. Небелёными оказались и нижние части барабанов, покрытые поздней четырёхскатной кровлей. Получалось, что в 1560-е годы «общий наружный вид храма был красного цвета» со светлыми продольными и вертикальными растворными швами⁴³.

В итоге, Г. В. Штурук счёл возможным связать прилагательное «Белая» не с цветовыми особенностями фасадов храма, а с его финансово-юридическим статусом, поскольку после передачи в 1572 г. ктиторами (Тушинским и Ламиными) Троицкой церкви в качестве вклада под юрисдикцию Троице-Сергиева монастыря⁴⁴, она могла стать «обелённой», т. е. освобождённой от пошлин и податей местному архиерею. Но полностью отказаться от «цветовой» версии Штурук всё же не решился. Желая сохранить и традиционное упрощённое объяснение названия «Белая», он предложил считать аргументом в пользу данной гипотезы свидетельство писцовой книги 1685–1686 гг. о покрытии центральной главы храма «белым немецким железом»⁴⁵. Однако поздний источник «не работает» в комплексе с натурными данными, и поэтому предложенная Штуруком аргументация в пользу «цветовой» гипотезы выглядит как неубедительная. Следовательно, налоговую «обелённость» Троицы следует считать наиболее вероятным объяснением наименования «Белая».

Г. В. Штурук, по всей видимости, верно определил и причину, побудившую Г. А. Тушинского и Ламиных завещать тверскую церковь Троице-Сергиевой лавре. Дело в том, что «дарение» Белой Троицы (в 1572 г.) пришлось на самый пик опричнины, сопровождавшейся в этот период общим ухудшением экономики, опалами, казнями, разорениями ряда городов и смертностью от эпидемий. В такой обстановке благодаря передаче имущества монастырю вкладчик обеспечивал себе не только вечное поминовение его души, но и возможность сохранить за собой и ближайшими родственниками свою вотчину, избежать её изъятия опричниками Ивана Грозного. Вотчина становилась собственностью монастыря, который прикрывал её своим иммунитетом, и вкладчик мог спокойно доживать свой век под защитой обителя⁴⁶.

Благодаря двум храмозданным надписям, уцелевшим на стенах Белой Троицы, мы можем быть вполне определёнными в вопросе датировки памятника. Полагаем, что к 1563 г. церковь вчерне была завершена и в этом году на средства тверского купца Петра Давыдовича Ламина освятили южный придел во имя Николая Чудотворца. Годом позже московский «веденец» (переселённый из Москвы) купец Гаврила Андреевич Тушинский профинансировал окончательную отделку храма и, возможно, купил необходимую церковную утварь, что, в итоге, позволило освятить основной престол храма — Троицкий⁴⁷.

Судя по тому, что храмовая надпись указывает на факт создания Белой Троицы «замышлением» Г. А. Тушинского, у нас есть основание утверждать, что идея строительства на Затьмацком посаде Твери каменного Троицкого храма принадлежала именно Тушинскому. И замысел этот мог возникнуть ещё в конце 1550-х – начале 1560-х годов, поскольку известно, что в 1561 г. для Троицкой церкви «замышлением многогрешнаго» Нечая были написаны две храмовые иконы — Троица и Никола⁴⁸. Допускаем, что замысел Нечая был обусловлен идеей Г. А. Тушинского. Первый, возможно, предполагал разместить заказанные им иконы в новом каменном храме, который Тушинский собирался возвести к 1561 г. Не исключено, что последний не рассчитал свои силы, и недостаток средств не позволил ему завершить строительство в начале 1560-х годов. Может быть, поэтому Г. А. Тушинский предложил тверскому купцу П. Д. Ламину стать ещё одним «инвестором» в деле реализации этого замысла.

Выше мы останавливались на том, что у нас нет резона рассматривать Г. Д. Макова в качестве возможного руководителя работ по созданию Троицкой церкви, но у нас есть все основания считать, что артель, возводившая этот храм, была сугубо тверской. Более того, можно предположить, что Тушинский обеспечил работой мастеров, живущих в непосредственной близости от Троицкой церкви. Этот вывод базируется на данных писцовой книги 1626 г., фиксирующей в этой части Затьмачья свыше 20-ти домовладений, хозяевами которых в тот период были «каменщики» и «кирпичники»⁴⁹. Надо полагать, что и во второй половине XVI в. в Затьмацкой части Твери проживало немало представителей этих профессий. И поселившийся здесь в то время московский «веденец» Тушинский, возможно желая обрести корни на тверской земле, сознательно предложил своим соседям-строителям работу.

С Белой Троицей связано одно весьма любопытное предание, повествующее о том, что в период ремонтов и капитальных перестроек кафедрального Спасо-Преображенского Бела́я Троица могла выполнять функцию главного храма епархии. Впервые это предание было озвучено ещё в середине XIX в. А. И. Пешехоновым⁵⁰. И, несмотря на всю неправдоподобность этой версии, у неё есть весьма существенный аргумент, выражающийся в семиглавом завершении Троицкой церкви, поскольку оно никак не вписывается в контекст древнерусской архитектуры XVI столетия. Да и в зодчестве XVII в. подобный характер завершения явление, по сути дела, уникальное. Наконец, в таком композиционном решении больше курьёза, нежели внутренней согласованности, которая, к примеру, присуща одиннадцатиглавному верху теремных церквей московского Кремля. Следовательно, существовала причина, подтолкнувшая к устройству столь необычного семиглавия. И в данном случае озвученное Пешехоновым предание как нельзя лучше объясняет, почему могли появиться семь новых глав на сводах Белой Троицы. Правда, исследователи второй половины XIX – начала XX вв. допускали, что затьмацкий храм мог неоднократно в течение XVII в. становиться кафедральным собором. Лишь Л. Погожева ограничивала соборный статус Троицы концом XVII столетия, на период строительства нового Спасо-Преображенского собора⁵¹. Но ещё за несколько лет до

закладки нового Спаса писцовая книга (1685–1686 гг.) отметила семиглавие Белой Троицы⁵². К тому же в конце 1680-х годов, когда началось строительство нового кафедрального собора, на территории Тверского кремля, рядом со Спасом, существовала каменная пятиглавая Никольская церковь, которая и по местоположению, и по размерам, вне всякого сомнения, была бы более предпочтительным, чем Белая Троица, преемником кафедрального собора.

Маловероятно наделение Троицкой церкви функцией главного храма епархии и в более раннее время. Так, например, писцовая книга 1626 г. фиксирует Спасо-Преображенский собор в качестве действующего кафедрального собора⁵³. В итоге, остаются первые послесмутные годы, поскольку в этот период, согласно дозорной книге 1616 г., в полуразрушенном состоянии находились все каменные кремлёвские храмы, а обветшавший Спас стоял с только что «наделанными деревянными верхами»⁵⁴. Серьёзные ремонтные и противоаварийные работы провели на Спасо-Преображенском соборе в 1621–1623 гг.⁵⁵, что, по всей видимости, могло привести к временному закрытию храма и, следовательно, передаче его функций другой церкви. А поскольку в кремле в эти годы не было возобновлено ни одно из каменных культовых сооружений, можно предположить, что именно не пострадавшая во время Смуты Белая Троица стала на короткий отрезок времени тверским кафедральным собором. А этот статус требовал соответствующего внешнего облика, и поэтому накануне ремонта Спаса (в конце 1610-х – начале 1620-х годов?) могла быть изменена объёмно-пространственная композиция Белой Троицы, завершившаяся надкладкой апсид и установкой шести новых глав (ил. 8).

Появление именно такого количества глав в венчающей части приходского храма могло быть продиктовано наличием аналогичного количества «верхов» у Спасо-Преображенского собора, у которого сформировавшийся в течение XVI столетия пятиглавый основной объём⁵⁶ мог дополняться двумя главами приделов. Допускаем также, что в процессе установки новых глав и «тайников» на Троицкой церкви её алтарная часть (как наиболее перегруженная новыми объёмами) могла быть укреплена контрфорсом, технически близким по исполнению той опорной стенке, которой в 1622 г. укрепили «переднюю» западную (?) стену Спасо-Преображенского собора⁵⁷.

Отсутствие графической и фотофиксации, которые могли бы существенно дополнить рукописные материалы Г. В. Штурука, по-прежнему не даёт возможности определиться с объёмом более поздних (начала XVII в.?) включений в состав первоначального здания. В этой связи полагаем, принимая во внимание мнение В. В. Сулова и А. И. Некрасова, а также характер сводчатой конструкции, что установка четырёх средних по габаритам барабанов сопровождалась частичной или полной перекладкой сводов 1560-х годов, перекрывавших основной объём здания. Правда, Г. В. Штурук в своей работе утверждает, что первоначальные коробовые своды сохранились, а квадратные отверстия для малых барабанов были пробиты в них уже позже⁵⁸. Но у нас нет полной уверенности, что это именно так. Малообъяснимы уступы в основании отдельных сводов, нельзя безоговорочно отнести к XVI столетию сложной формы сводчатые конструкции в ряде компартиментов, где

устроены малые барабаны и, наконец, металлические связи, расположенные значительно выше пят подпружных арок (ил. 9–11). Все эти факторы позволяют усомниться в сохранности сводчатой системы 60-х годов XVI в.

Отметим, что металлические связи — весьма существенный аргумент в пользу позднего происхождения не только малых барабанов, но и центрального, поскольку в противном случае нужно согласиться с тем, что эти связи были заведены в первоначальные подпружные арки. В свою очередь Штурук сообщает о том, что в церкви сохранились внутривенные деревянные связи и гнезда от утраченных воздушных деревянных связей. Последние он зафиксировал под пятами подпружных арок⁵⁹. Как вариант, возможно предположение, действительно допускающее дополнительное укрепление первоначальных подпружных арок подкупольного квадрата расположенными на более высокой отметке (чем деревянные субструкции) металлическими связями. Но в первой ли четверти XVII столетия были заведены эти тяжи, учитывая, сколь сложным было положение страны? Может быть, отнести их появление к концу XVII в., когда был заменён иконостас в Никольском приделе, а сам южный придел с этого времени стал Введенским⁶⁰? Или к концу XVIII в., когда на Троицком храме установили четырёхскатную кровлю⁶¹? В этом случае вслед за Штуруком можно предположить, что центральный барабан — это конструкция второй половины XVI в. При этом если убрать существующую кровлю и реконструировать закомарное покрытие, то центральная глава вполне органично впишется в композицию завершения. Найдётся даже место для восьми опоясывающих барабан кокошников, остатки которых обнаружил в своё время Г. В. Штурук⁶².

На месте оказываются и уцелевшие до настоящего времени небольшие (первоначальные?) «закомарные» оконные проёмы, которые в архитектуре середины XVI в. иногда располагаются достаточно близко от зенита архивольта (церковь Михаила Архангела в Микулине Городище). Добавим, что в пазухах между закомарами и между кокошниками центрального барабана Штурук обнаружил хвостовые части белокаменных водомётов. Белокаменными были бусины и капители порталных колонок⁶³. Все эти элементы вполне можно рассматривать в контексте архитектуры второй половины XVI в., и, следовательно, к более поздним конструкциям основного объёма можно относить только «тайники» и шесть малых барабанов. К тому же предложенная для перестройки Белой Троицы датировка отчасти подтверждается форматом кирпичей «тайников» и малых барабанов, которые несколько отличаются от кирпичей основного объёма. В первом случае — $25\text{--}26 \times 12\text{--}13 \times 6\text{--}7$ см, во втором — $25\text{--}28 \times 12\text{--}14 \times 6\text{--}8$ см⁶⁴. Кстати, использование при создании дополнительных элементов малоформатного, а не большемерного кирпича служит косвенным аргументом в пользу датировки поздних добавлений первой четвертью XVII в. В период развитого XVII столетия применяли, как правило, большемерный кирпич.

Определившись в первом приближении с теми элементами, которые были добавлены к первоначальному объёму в более позднее время, есть основание реконструировать облик Белой Троицы, который она обрела в середине 60-х годов

XVI в. И здесь мы с полным правом можем ориентироваться на ту реконструкцию, которая была предложена Г. В. Штуруком (ил. 12–16).

Если исключить надстроенные над апсидами «тайники» и шесть малых глав, то Белая Троица перестаёт быть традиционным крестовокупольным храмом, поскольку в этом случае её основной объём получает поперечную ориентацию. Достигается это за счёт того, что западный и восточный фасады имеют три прясла, а боковые — только два. При этом глава храма оказывается почти вплотную придвинутой к восточной стене здания. Сложившуюся асимметрию в какой-то мере снижали две малые полуметровые по диаметру глухие главки, поставленные на конхах апсид на значительном расстоянии от восточной стены основного объёма. Остатки этих главок были обнаружены Г. В. Штуруком⁶⁵, что позволяет реконструировать Белую Троицу в редакции 1564 г. как трёхглавое сооружение.

На реконструкции Штурук не показывает звонницу, в существовании которой был убеждён В. И. Некрасов. Последний считал, что звонница находилась «на западной стене храма над входными дверями». Некрасов полагал, что троицкая звонница была «устроена по образцу древних новгородских звонниц или колокольных, т. е. являлась продолжением западной стены, выложенной поверх крыши», и «имела вид невысокой стенки с амбразурами, в которых и висели сначала два колокола, а потом, спустя сто лет по основании храма, уже четыре колокола»⁶⁶. В данном случае Некрасов основывается на данных писцовой книги 1685–1686 гг., где «на западных дверях» храма фиксируется «каменная колокольня» с 4 колоколами, и вкладной 1572 г., в которой упоминаются только два колокола⁶⁷.

Штурук к версии Некрасова отнёсся критически, предположив, что в конце XVII столетия перед западным входом в церковь уже существовал двухскатный навес, под которым и были повешены четыре колокола⁶⁸. Однако эта гипотеза Штурука представляется малоубедительной, поскольку читаемые в верхней части центрального прясла гнёзда от конькового и мауэрлатных брусьев явно принадлежат утраченной на сегодня двухскатной кровле над киотом. Понимая это, Штурук предложил рассматривать эту конструкцию как навес и для киота, и для колоколов⁶⁹. В принципе, такое возможно, но подобная полифункциональность с трудом вписывается в древнерусское зодчество, поэтому, на наш взгляд, В. И. Некрасов предложил более правдоподобную реконструкцию троицкой звонницы. Вероятно, в 1560-е годы это действительно была двухпролётная конструкция для двух упомянутых источником 1572 г. колоколов. Позже над первоначальной звонницей надстроили, по всей видимости, второй ярус, где разместили ещё два колокола. Вероятно, именно это сооружение отметили составители писцовой книги 1685–1686 гг. Допускаем, что эта же конструкция сохранилась до 1770-х годов, когда о Белой Троице писал Д. И. Карманов⁷⁰. Любопытно, что содержащееся в работе Карманова краткое описание Троицкой церкви («каменная с колокольней, старинной архитектуры») было неверно приведено Г. В. Штуруком: «...с каменной колокольней, старинной архитектуры»⁷¹. В итоге, эта смысловая корректировка была использована Штуруком в качестве аргумента в пользу своего варианта реконструкции звонницы. При этом заметим, что вплоть до 1813 г. клировые ведомости говорят об отсутствии у храма колокольни⁷².

В поисках аналогов Троицкому храму Г. В. Штурук вслед за П. Б. Юргенсоном обратил внимание на собор Никитского монастыря 1547 г. в Москве, реконструкцию которого Юргенсон опубликовал в 1928 г. (ил. 17)⁷³. Действительно, московский памятник, так же как и тверской, отличает поперечная ориентированность основного объёма, сильно вынесенная трёхчастная алтарная часть и смещённость боковых порталов к востоку от центральной оси прясла. Однако единственная глава Никитского собора, в отличие от центральной главы Белой Троицы, располагалась не у самого края восточной стены, а стояла точно по центру основного объёма (так, по крайней мере, реконструирует завершение церкви П. Б. Юргенсон). В эту же типологическую группу может быть включён Благовещенский собор 1560 г. в Сольвычегодске и ещё ряд построек. Но по характеру размещения главы наиболее близким аналогом Троицкой церкви является Благовещенская церковь в вотчине Нагих (Владимирская область)⁷⁴. Хотя характер завершения стен и притворов фронтонами, а также крестообразность сближают её с ещё двумя московскими памятниками первой четверти XVI в.: собором Ивановского монастыря под Бором на Кулишках и церковью с. Ильинского⁷⁵. Но Благовещенский храм и Белая Троица нарушают заложенную в их композиционной схеме центричность и оказываются несколько обособленной группой, где тверская церковь является упрощённой репликой владимирского храма⁷⁶. И если Благовещенскую церковь можно сопоставить с работами итальянских зодчих начала XVI столетия, то Троицкий храм свидетельствует о существенной трансформации этого типа в работе отечественных мастеров, которые даже применённое итальянцем трёхглавие (церковь Ильи Пророка 1520 г. на Новгородском подворье в Москве⁷⁷) претворяют в своеобразный курьёз.

Список сокращений

ГАТО — Государственный архив Тверской области.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Москва.

Известия ИАК — Известия Императорской археологической комиссии.

АН — Архитектурное наследство.

РГИА — Российский государственный исторический архив. С.-Петербург.

¹ Карманов Д. И. Исторические известия Тверскаго княжества, почерпнутыя из общих российских летописцев, с приобщением новейших онаго приключений. Тверь, 1775 // Карманов Д. И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверскаго края / сост. В. И. Колосов. Тверь, 1893. С. 126.

² Топографическое и историческое описание города Твери 1784 года // Генеральное соображение по Тверской губернии, извлечённое из подробнаго топографическаго и камеральнаго по городам и уездам описания 1783–1784 гг. Тверь, 1873. С. 16.

³ Середа В. «Генеральное соображение по Тверской губернии...» // Тверская старина. 1991. № 1. С. 21.

⁴ Штурук Г. В. История памятника архитектуры XVI века в гор. Калининe церкви «Белая Троица». Калинин, 1962. С. 74, 91–92, 99 (рукопись в ГАТО); Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область. М., 2002. Ч. 1. С. 763.

⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16478. 1773 г. Л. 23 об. – 24; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16480. 1785 г. Л. 2 об. – 2а; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16481. 1788 г. Л. 27 об.; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 20462. 1788 г. Л. 27 об.; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16482. 1791 г. Л. 31 об.; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16483. 1793 г. Л. 47 об.

⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16485. 1796 г. Л. 35; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16486. 1799 г. Л. 17.

⁷ *Пешехонов А.* Краткая историческая записка о Троицкой, что за р. Тьмакою, церкви в городе Твери. Тверь, 1851.

⁸ *Пешехонов А.* Краткая историческая записка о Троицкой... С. 5.

⁹ Там же. С. 5–6.

¹⁰ «лета 7072 (1564) свершен бы(сть) сии хр(а)м во имя живонач(а)лныя тро(и)цы м(е)с(я)ца август(а) 15 при бл(а)говерном ц(а)ре великом кн(я)зе иване васил(ь)евиче и всеа росии и при с(вя)щ(е)ном митрополите макарии и при еп(иско)пе акакии тферском замышлением и строением раба б(о)жиа гаврила андреева с(ы)на тоушиньского». Для настоящей публикации транскрипция текста надписи была подготовлена Г. С. Гадаловой.

¹¹ *Пешехонов А.* Краткая историческая записка о Троицкой... С. 3–4.

¹² *Штурук Г. В.* История памятника архитектуры XVI века... С. 8.

¹³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16514. 1829 г. Л. 120; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16515. 1830 г. Л. 95; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16516. 1831 г. Л. 115; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16517. 1832 г. Л. 83; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16518. 1833 г. Л. 115; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16519. 1834 г. Л. 64; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 20470. 1835 г. Л. 72; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16520. 1836 г. Л. 65; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16521. 1837 г. Л. 85; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16522. 1838 г. Л. 86.

¹⁴ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16523. 1839 г. Л. 93.

¹⁵ *Владиславлев В.* Краткие исторические сведения о монастырях и более замечательных церквах города Твери // Памятная книжка Тверской губернии на 1863 год. Тверь, 1863. С. 109–115.

¹⁶ *Кузьмин В.* Древняя церковь в Твери // Зодчий. СПб., 1874. № 5. С. 57–58; *Канилле М.* Церковь Белой Троицы в Твери // Зодчий. 1878. № 8. С. 85–86.

¹⁷ *Матвеев В.* Описание тверских древностей с очерком города Твери и Оршина монастыря. М., 1878. С. 13–18.

¹⁸ *Полевой П. Н.* Живописная Россия. СПб., 1884. Т. 1. С. 200, 201.

¹⁹ Там же. С. 234.

²⁰ *Овсянников Н. Н.* Тверь в XVII веке. Исторический и археологический путеводитель по г. Твери. Тверь, 1889.

²¹ Там же. С. 77.

²² *Некрасов В. И.* Церковь Белая Троица в г. Твери (историко-археологический очерк). Тверь, 1900.

²³ «лет(а) 7071 (1563) августа 15 строение и замышление никол(ы) чудотворца петра давыдова сына ламинна». Для настоящей публикации транскрипция текста надписи была подготовлена Г. С. Гадаловой.

²⁴ *Некрасов В. И.* Церковь Белая Троица в г. Твери... С. 10–11.

²⁵ Там же. С. 1.

²⁶ *Шамурины Ю. и З.* Калуга. Тверь. Тула. Торжок. М., 1912. С. 36–38. Традиционно история Белой Троицы была изложена в 1917 г. и в книге тверского историка В. И. Колосова, см.: *Колосов В. И.* Прошлое и настоящее города Твери. Тверь, 1917. С. 160–166.

- ²⁷ История русского искусства. СПб., б/г. (1910–1914 гг.). Т. 2 / под ред. И. Э. Грабаря. С. 114.
- ²⁸ *Погожева Л.* Церковь «Белая Троица» в Твери // Святильник. 1914. № 8. С. 35–43.
- ²⁹ Там же. С. 37.
- ³⁰ *Пешехонов А.* Краткая историческая записка о Троицкой... С. 4.
- ³¹ *Воронин Н. Н.* Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв. М.; Л., 1934. С. 11, 122; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область... С. 763.
- ³² *Погожева Л.* Церковь «Белая Троица» в Твери... С. 37.
- ³³ *Рузаева Е.* Время сохранило имя (к вопросу о работе тверского мастера Гаврилы Макова в Успенском Свенском монастыре в Брянске) // Тверская старина. 2011. № 33. С. 157.
- ³⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 26. Д. 1382. 1914 г. Л. 5–8.
- ³⁵ Известия ИАК. Вып. 59 (16). Пг., 1915. С. 73–75.
- ³⁶ Там же. С. 75.
- ³⁷ *Некрасов А. И.* Отчёт о комплексной Тверской экспедиции // Труды этнографо-археологического музея. М., 1928. С. 16–17.
- ³⁸ *Воронин Н. Н.* Очерки по истории русского зодчества... С. 11; *Барагин Д. Д.* Калинин. М., 1952. С. 9, 18–20; *Комаров Б.* Чертёж города Твери до перепланировки XVIII века / АН. М., 1956. Вып. 6. С. 154.
- ³⁹ *Штурук Г. В.* История памятника архитектуры XVI века... Указ. соч.
- ⁴⁰ Там же. С. 36.
- ⁴¹ Этот вывод позволяет нам сделать достаточно поверхностная по аргументация статья Б. Д. Комарова, посвящённая плану Твери первой четверти XVIII в., см.: *Комаров Б.* Указ. соч.
- ⁴² Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подъячаго Богдана Фадеева. 1626 года. Тверь, 1901. С. 112.
- ⁴³ *Штурук Г. В.* История памятника архитектуры XVI века... С. 6, 53.
- ⁴⁴ «Се яз, Гаврила Ондреев с(ы)н Тушинскаи, тверитин, веденец московскаи, дал есми вкладу в дом Живоначалной Троице и великому чюдотворцу Сергею, и архимариту Памве з брат(и)ею или хто по нем и ины архимарит будет, во Твери храм Живоначальные Тро(и)цы камен да придел Николы чюдотворца своево соружен(и)я с образы и с книгами и свечами, да двои колоколы, да двор свои за Т(ь)макою за рекою у Тро(и)цы ж в приходе. А на дворе хором горница да против повалуша с сенми, да погреб камен, да поварня мыльная и с котлом с мыльным и со всею поряднею с мыльною, да две избы, да две поварни мыльных промеж их, да онбар соляной пяти сажен у гостиная двора да у Троицы придел Николы чюдотворца Петра Ламина и племянники ег(о) Тита да Ивана Олексеевы дети Ламина дали вкладу в дом Живоначалнаи Троице и чюдотворцу Сергею и Никану по Петрове д(у)ше Ламина с образы и з книгами и со всем ц(е)рк(о)вным сооружен(и)ем да онбар соляной у гостиная двора пяти сажен. А яз, Гаврила Ондреев с(ы)н Тушинского, дал вкладу двесте рублей денег, к тому же к своему двору и к ц(е)ркве в дом Живоначалнаи Троице и чюдотворцу Никану, а дал есми ц(е)рков и двор свои и денги по свае ид(у)ше и по своих родителей впрок для вечнаг(о) покоя. А тот у меня двор не продан, ни заложен ни в каких крепостях, а у ког(о) выляжат на тот двор кобала или запис(ь) или иная котоя крепость и мне Гаврилу очищати, а архимарита убытка не довести, а Бог меня Гаврила пош[л]ет по д(у)шу. И архимариту Памве пожаловати положити меня у Живоначалнаи Троицы и у великог(о) чюдотворца Сергея в монастыре

и в вечны Сенаник с селники написати, а похочетца Гаврила постричи и нам ево затемжа вкладом постричи в Сергееве монастыре, а отца ево и матер пожаловати написати в вечны Сенаники, а на та послуши Иван Осипав с(ы)н да Угрим Иванов с(ы)н да Семен Дмитриев с(ы)н Еремеев да Обрам Офонас(ь)ев с(ы)н Харин да Григорей Исаков с(ы)н Ортем(ь)ева да Климентей Костянтинов с(ы)н Неверов. А вкладную писал Филя Григорьев с(ы)н Тютрин лета 7 тысяч возмьдесятаг(о)» (*Шумаков С.* Из актов тверского Отроча монастыря. М., 1896. Вып. 1. С. 82). Для публикации транскрипция этого текста была подготовлена Г. С. Гадаловой.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 470. Л. 245 об.; *Штурук Г. В.* История памятника архитектуры XVI века... С. 6.

⁴⁶ *Штурук Г. В.* История памятника архитектуры XVI века... С. 29.

⁴⁷ Существующая версия А. И. Некрасова о постройке Белой Троицы на остатках более раннего каменного храма, где в качестве аргумента приводится обнаруженная под престолом надгробная плита 1499 г. (*Некрасов А. И.* Отчёт о комплексной Тверской экспедиции... С. 17), представляется нам малопродуктивной и поэтому не рассматривается в настоящей работе.

⁴⁸ *Некрасов В. И.* Церковь Белая Троица в г. Твери... С. 12–13.

⁴⁹ Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова... С. 111–115.

⁵⁰ *Пешехонов А.* Краткая историческая записка о Троицкой... С. 6–7.

⁵¹ *Погожева Л.* Церковь «Белая Троица» в Твери... С. 38.

⁵² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 470. Л. 245 об.

⁵³ Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова... С. 2–12.

⁵⁴ *Сторожев В. Н.* Дозорная книга Твери 1616 года. Тверь, 1890. С. 13.

⁵⁵ *Салимов А. М.* Тверской Спасо-Преображенский собор. История и проблемы изучения. Тверь, 2008. С. 123.

⁵⁶ Там же. С. 119.

⁵⁷ Там же. С. 123.

⁵⁸ *Штурук Г. В.* История памятника архитектуры XVI века... С. 58.

⁵⁹ Там же. С. 38, 57.

⁶⁰ *Некрасов В. И.* Церковь Белая Троица в г. Твери... С. 19–20.

⁶¹ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России... С. 763.

⁶² *Штурук Г. В.* История памятника архитектуры XVI века... С. 51.

⁶³ Там же. С. 45, 51, 53.

⁶⁴ Там же. С. 37–38.

⁶⁵ *Штурук Г. В.* История памятника архитектуры XVI века... С. 53.

⁶⁶ *Некрасов В. И.* Церковь Белая Троица в г. Твери... С. 6.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 470. Л. 245 об.; *Шумаков С.* Из актов тверского Отроча монастыря... С. 82.

⁶⁸ *Штурук Г. В.* История памятника архитектуры XVI века... С. 48–49.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ *Карманов Д. И.* Исторические известия Тверского княжества... С. 126.

⁷¹ *Штурук Г. В.* История памятника архитектуры XVI века... С. 49.

⁷² ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16497. Л. 13.

---

⁷³ Юргенсон П. Б. Собор Никитского монастыря в Москве // Материалы по истории русского искусства. М., 1928. Вып. 1. С. 17–19. Таб. VI; Штурук Г. В. История памятника архитектуры XVI века... С. 102. Прим. 143.

⁷⁴ Воронин Н. Н. К истории русского зодчества XVI века // Сборник ГАИМК. Л., 1929. Вып. 1. С. 83–87.

⁷⁵ Воронин Н. Н. К истории русского зодчества XVI века... С. 84, 87; Баталов А. Л. К истории храмового строительства в Москве в первой четверти XVI века и проблема топографической локализации Ивановского монастыря // Древнерусское и поствизантийское искусство. Вторая половина XV – начало XVI века. М., 2005. С. 454–466.

⁷⁶ Изначально Благовещенская церковь, так же как и Белая Троица, имела две малых главы, поставленные на боковых апсидах. Сообщено Д. Е. Яковлевым.

⁷⁷ Арутюнян Л. Б. Исследования храма 1519–1520 гг.: церковь Пророка Илии на Новгородском подворье в Москве // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 484.